

Не верь, не верь поэту, дева... (сборник)

Автор:

[Федор Марченко](#)

Не верь, не верь поэту, дева... (сборник)

Федор Иванович Тютчев

Алла Максимовна Марченко

О Тютчеве написано множество ученых и умных книг, однако вернее всех угадал тайну этой гениальной личности младший современник поэта Иван Тургенев: «О Тютчеве не спорят; тот, кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии». Сборник избранных стихотворений Федора Тютчева – подарок истинным ценителям русской поэзии.

Федор Иванович Тютчев

Не верь, не верь поэту, дева...

Блажен, кто посетил сей мир

О Тютчеве не спорят; кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии.

И. С. Тургенев.

Из письма к А. А. Фету

К ОДЕ ПУШКИНА НА ВОЛЬНОСТЬ

Огнем свободы пламенея

И заглушая звук цепей,

Проснулся в лире дух Алцея —

И рабства пыль слетела с ней.

От лиры искры побежали

И вседробящею струей,

Как пламень Божий, ниспадали

На чела бледные царей.

Счастлив, кто гласом твердым, смелым,

Забыв их сан, забыв их трон,

Вещать тиранам закоснелым

Святые истины рожден!
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!

Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!

Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

Ноябрь (?) 1820

Москва

С ЧУЖОЙ СТОРОНЫ (Из Гейне)

На севере мрачном, на дикой скале

Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.

Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет, одинока...

Не ранее апреля 1823-1824

Мюнхен

В АЛЬБОМ ДРУЗЬЯМ (Из Байрона)

Как медлит путника вниманье
На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих
Руки знакомой начертанье!..

Чрез много, много лет оно
Напомнит им о прежнем друге:
«Его уж нету в нашем круге;
Но сердце здесь погребено!..»

Не позднее середины 1826

ПЕСНЯ (Из Шекспира)

Заревел голодный лев,
И на месяц волк завыл;
День с трудом преодолев,
Бедный пахарь опочил.

Угли гаснут на костре,
Дико филин прокричал
И больному на одре
Скорый саван провещал.

Все кладбища, сей порой,
Из зияющих гробов,
В сумрак месяца сырой
Высылают мертвецов!..

Конец 20-х, начало 30-х гг.

К Н.

Твой милый взор, невинной страсти полный,
Златой рассвет небесных чувств твоих
Не мог – увы! – умилоstitивить их —
Он служит им укрою безмолвной.

Сии сердца, в которых правды нет,
Они, о друг, бегут, как приговора,

Твоей любви младенческого взора,
Он страшен им, как память детских лет.

Но для меня сей взор благодаянье;
Как жизни ключ, в душевной глубине
Твой взор живет и будет жить во мне:
Он нужен ей, как небо и дыханье.

Таков горе духов блаженных свет,
Лишь в небесах сияет он, небесный;
В ночи греха, на дне ужасной бездны,
Сей чистый огонь, как пламень адский, жжет.

23 ноября 1824

ПРОБЛЕСК

Слышал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшись, потух!

Дыханье каждое Зефира

Взрывает скорбь в ее струнах...

Ты скажешь: ангельская лира

Грустит, в пыли, по небесах!

О, как тогда с земного круга

Душой к бессмертному летим!

Минувшее, как призрак друга,

Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живою,

Как сердцу радостно, светло!

Как бы эфирною струею

По жилам небо протекло!

Но ах, не нам его судили;

Мы в небе скоро устаем, —

И не дано ничтожной пыли

Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным

Прервем на час волшебный сон,

И взором трепетным и смутным,

Привстав, окинем небосклон, —

И отягченною главою,

Одним лучом ослеплены,

Вновь упадаем не к покою,

Но в утомительные сны.

Не позднее осени 1825

Осенью 1825 года Тютчев наконец-то получил законный отпуск. Роковой декабрь застал его в Москве. В городском родительском доме. В июле 1826-го были повешены зачинщики «возмущения», а в августе Федор Иванович написал свой знаменитый политический памфлет «14-ое декабря 1825».

Взгляд Тютчева и на само декабрьское восстание, и на декабристов резко отличается от типично либерального, однако и с консервативной точкой зрения не совпадает: он осуждает декабристов не за то, что осмелились поднять меч на помазанника Божия, то бишь царя, а за то, что они, «жертвы безрассудной и недозрелой мысли», не сообразили: ни кровь, пролитая за святое дело, ни жар их любви к несчастной отчизне не смогут растопить «вековую громаду льдов» – русский «вечный полюс» общественного холода[1 - Текст, набранный курсивом, принадлежит составителю.].

14-ОЕ ДЕКАБРЯ 1825

Вас развратило Самовластье,

И меч его вас поразил, —

И в неподкупном беспристрастье

Сей приговор Закон скрепил.

Народ, чуждаясь вероломства,

Поносит ваши имена —

И ваша память от потомства,

Как труп в земле, схоронена.

О жертвы мысли безрассудной,

Вы уповали, может быть,

Что станет вашей крови скудной,

Чтоб вечный полюс растопить!

Едва, дымясь, она сверкнула

На вековой громаде льдов,

Зима железная дохнула —

И не осталось и следов.

Не ранее августа 1826

Парные портреты братьев Тютчевых были заказаны родителями неизвестному, видимо, крепостному, художнику осенью 1825 года, когда младший сын после трехлетней разлуки приехал наконец в отпуск и оба брата вновь оказались вместе, под крышей отчего дома.

Братья Тютчевы, несмотря на то, что трудно сыскать двух столь разительно непохожих людей, были невероятно дружны с самого раннего детства, благо разница в возрасте была незначительной. Николай Иванович, пошедший и характером, и внешностью в отца, – практичный, добрый, легкий в быту, относился к семье Федора как если бы это была его собственная семья. Основательный, крайне ответственный, он порой выходил из себя, в сердцах называя брата пустейшим человеком, но быстро успокаивался и снова тянул семейную лямку. К нему, а не к мужу обращались в случае той или иной неотложной хозяйственной нужды и жены Федора Ивановича. Николай Иванович никогда не отказывал невесткам в помощи.

CACHE-CACHE[2 - Игра в прятки (франц.). - Ред.]

Вот арфа ее в обычном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?

О, кто мне поможет шалунью сыскать,
Где, где приютилась сильфида моя?
Волшебную близость, как бы благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.

Гвоздики недаром лукаво глядят,

Недаром, о розы, на ваших листах

Жарчее румянец, свежей аромат:

Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!

Не арфы ль твоей мне слышался звон?

В струнах ли мечтаешь укрыться златых?

Металл содрогнулся, тобой оживлен,

И сладостный трепет еще не затих.

Как пляшут пылинки в полдневных лучах,

Как искры живые в родимом огне!

Видал я сей пламень в знакомых очах,

Его упоенье известно и мне.

Влетел мотылек, и с цветка на другой,

Притворно-беспечный, он начал порхать.

О, полно кружиться, мой гость дорогой!

Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

Не позднее 1828

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,

Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Не позднее 1828

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ее
Коснулись ключевые воды.

Не позднее 1828

ВИДЕНИЕ

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,

И в оный час явлений и чудес

Живая колесница мирозданья

Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,

Беспамятство, как Атлас, давит сушу;

Лишь Музы девственную душу

В пророческих тревожат боги снах!

1828 – не позднее первой половины 1829

БЕССОННИЦА

Часов однообразный бой,

Томительная ночи повесть!

Язык для всех равно чужой

И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,

Среди всемирного молчанья,

Глухие времени стенанья,

Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый

Неотразимый Рок настиг —

И мы, в борьбе, природой целой

Покинуты на нас самих;

И наша жизнь стоит пред нами,

Как призрак, на краю земли,

И с нашим веком и друзьями

Бледнеет в сумрачной дали;

И новое, младое племя

Меж тем на солнце расцвело,

А нас, друзья, и наше время

Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный

Свершая в полуночный час,

Металла голос погребальный

Порой оплакивает нас!

Не позднее 1829

УТРО В ГОРАХ

Лазурь небесная смеется,

Ночной омытая грозой,

И между гор росисто вьется

Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины

Туманы покрывают скат,

Как бы воздушные руины

Волшебством созданных палат.

Не позднее 1829

Зальцбург (?)

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

Уже полдневная пора

Палит отвесными лучами, —

И задымилась гора

С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,

Синеют озера струи,

И с камней, блещущих на зное,

В родную глубь спешат ручьи.

И между тем как полусонный

Наш дольний мир, лишенный сил,

Проникнут негой благовонной,

Во мгле полуденной почил, —

Гор?е, как божества родные,
Над издыхающей землей
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

Не позднее 1829

Зальцбург

К N.N.

Ты любишь, ты притворствовать умеешь, —

Когда в толпе, украдкой от людей,

Моя нога касается твоей —

Ты мне ответ даешь - и не краснеешь!

Все тот же вид рассеянный, бездушный,

Движенье персей, взор, улыбка та ж...

Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,

Любуется твоей красотой послушной.

Благодаря и людям и судьбе,

Ты тайным радостям узнала цену,

Узнала свет: он ставит нам в измену

Все радости... Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный,

Он улетел с твоих молодых ланит —

Так с юных роз Авроры луч бежит

С их чистою душою ароматной.

Но так и быть! в палящий летний зной

Лестней для чувств, приманчивей для взгляда

Смотреть, в тени, как в кисти винограда

Сверкает кровь сквозь зелени густой.

Не позднее 1829

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Когда пробьет последний час природы,

Состав частей разрушится земных:

Все зримое опять покроют воды,

И Божий лик изобразится в них!

Не позднее 1829

«Еще шумел веселый день...»

Еще шумел веселый день,

Толпами улица блистала,

И облаков вечерних тень

По светлым кровлям пролетала.

И доносились порой

Все звуки жизни благодатной —
И все в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный и невнятный.

Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье;
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье...

Затих повсюду шум и гам,
И воцарилось молчанье —
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье...

Украдкой в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлек, незримый, в царство теней.

Не позднее 1829

ВЕЧЕР

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шорох стаи журавлиной,
И в шуме листьев замер он.

Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день, —
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.

Не позднее 1829

ПОЛДЕНЬ

Лениво дышит полдень мглистый,

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Текст, набранный курсивом, принадлежит составителю.

2

Игра в прятки (франц.). – Ред.

Купить: https://tellnovel.com/ru/marchenko_fedor/ne-ver-ne-ver-poetu-deva-sbornik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)